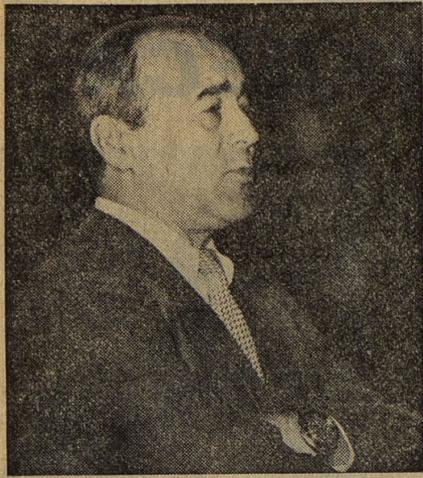

Виталий Коротич:

Мы — только капли, а река — народ...

Поэту, прозаику, публицисту Виталию Коротичу, депутату Верховного Совета Украинской ССР, пишут о разном. Откликаются на книги и статьи, спрашивают мнение по всевозможным вопросам, просят о вмешательстве в конкретные житейские ситуации.

Вот письмо, взятое наудач. Киевлянин-метрополитенец пишет: «С нетерпением жду каждый выпуск программы, которую вы ведете по украинскому телевидению. Хочу сообщить вам, что эти передачи помогают примерить себя к требованиям жизни, а ведь они сейчас как никогда отвлечены и неотложны. Часто после передач ощущаю неудовлетворенность собой, потребность больше знать и уметь, глубже думать о многом из того, что считал понятным и привычным».

— Каково ваше отношение к этому письму? К самой работе на телевидении, на радио, в документальном кино? Насколько она способствует труду в литературе? — с этих вопросов и началась наша беседа с Виталием Алексеевичем Коротичем.

— Мое главное дело — писать книги. Но оно крепко «заякорено» в живой повседневной жизни. Пожалуй, скоро двадцать пять лет, как я тесно связан с телевидением. Вот сейчас веду ежемесячную программу. Есть у меня и на радио программа «Взгляд на жизнь». Разговор может быть о войне и мире, о человеческой порядочности, о современной молодежи.

Мне очень дорога возможность постоянно говорить с широким кругом зрителей и слушателей напрямую. Дорого подтверждение, что между нами возникает диалог. Он мне чрезвычайно много дает. Письма от новых единомышленников — это новые силы. Критика тоже в помощь, она побуждает настойчивее искать точный материал и тон передач.

Мне кажется, сейчас жизнь писателя в отрыве от средств массовой информации немаловажна. Сегодня, в процессе происходящих в стране перемен, важна роль писателя именно в повседневной жизни. Надо соизмерять высоту того, что мы делаем, с высотой совершенно конкретных задач. Я знаю очень многих писателей, так сказать, принципиально ориентированных на вечность, пишущих для какого-то «завтрашнего» читателя, для «послезавтрашнего» потребителя художественной культуры.

В докладе на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса Михаил Сергеевич Горбачев назвал человеческий фактор «решающим фактором всех перемен». Борьба за режим экономики, за новый уровень организации производства, дисциплины труда не может быть отделена от постоянного, вдумчивого нравственного воспитания. И здесь многое может сделать писатель.

Кто-то придумал басню о том, что когда было трудно и голодно, убеждения наших людей были тверже и выше, а сейчас, когда мы устроены и хорошо одеты, идейность у нас, мол, не та. Это не так, советская жизнь цельная, и то, что мы сегодня живем богаче, говорит о правильности и перспективности избранного нами пути. Приметы жизни меняются, но социальные и нравственные константы неизменны.

— Связь времен, поколений — это всегда нравственная связь. То есть в нравственном идеале всегда присутствует вечное...

— Кто возражает против этого? Но вспомните: великие умы и таланты нашей культуры всегда были обращены лицом к своему времени. Они исходили из вопросов, непреходящих для всех эпох, но искали на них ответы в жизни, кипевшей вокруг них. Были честны по отношению к этой жизни.

Углубляясь в переписку с людьми, откликаюсь на их предложения и просьбы, я, конечно, «теперь время», нужное для чисто литературской работы, как бы ухожу от того, что у нас порой принято считать чисто писательским предначертанием. Что и говорить, и мне бы тоже неплохо подумать о вечном, написать устремленный не ближе, чем к 2000 году роман. Но звонит телефон, почтаюно приносит письма, в них — новые проблемы и вопросы, и я иду выступать на радио или на телевидение, думая о том, что эта работа — обязательное условие писательской жизни.

— В ваших книгах и выступлениях любите факты, от сугубо производственных до исторических, в конечном счете служат подкреплением той или иной нравственной проблемы.

— Меньше всего хочу противопоставлять одну задачу другой.

Не хочу сказать, что мы должны непременно сегодня все забросить и начать писать только для газет. Безусловно, мы должны работать с заданием, с прицелом на будущее, с пониманием того, как будем жить завтра. Но в то же самое время не забывать о коэффициенте причастности. О том, что интенсификация нужна не только экономике, а и литературе, искусству. Подразумевая интенсификацию наших усилий, направляемых на понимание сегодняшних проблем, интенсификацию действий, которые служат обогащению человеческого духа.

В письме рабочего-метрополитенца, о котором шла речь, есть слова, особо меня затронувшие: человек примеряет себя к требованиям жизни. Иначе говоря, соизмеряет себя со временем. Когда мы сейчас всесторонне и деятельно говорим об ускорении научно-технического прогресса, то ведь мы говорим именно о соизмеримости своей со временем — не только технической, а и духовной. В ОКБ Олега Константиновича Антонова в Киеве создан Ан-124, самый большой и самый экономичный в мире самолет. В Институте электросварки имени Евгения Оскаровича Патона созданы самые современные образцы электросварки в космосе, в вакууме, под водой. Это значит, что тут можно учиться не только уровню электросварки, но и нравственному, ответственному отношению к делу, пониманию того, чего требует от каждого из нас время.

Человек, создавший такой самолет, как Ан-124, должен прийти после работы домой, открыть книгу и читать ее, не снижая уровня умственной деятельности, уровня своей причастности к проблемам времени. Самые интересные беседы о литературе и искусстве я вел с конструкторами космической и ракетной техники, с космонавтами, с инженерами высшего класса. Проявляет их отношение к художественной культуре как к чему-то необычайно важному, незаменимому для жизни. Они относятся к искусству уж вовсе не как к объекту развлечения. Зато те, кто свою работу воспринимает

неуважительно, примитивно, кто говорит примерно так: «Чего там, ковырялся весь день долотом и отверткой», — те и от искусства требуют: «Ты меня пощекочи, развлекай». Уровень работы подразумевает и определенный уровень искусства. Приближаясь в ускоренном научно-техническом прогрессе к вершинам времени, мы будем воспитывать людей, которые мыслят все четче, ответственнее и красивее.

— Если попробовать соотнести — пусть условно! — наши представления о научно-техническом прогрессе с развитием нашей литературы, то в ком, на ваш взгляд, оно прежде всего воплощено?

— На такой вопрос не возьмусь исчерпывающе ответить. Такие явления в литературе, как Чингиз Айтматов, Василий Быков, Ионас Авижюс, вышли за пределы своих республик, они воплощают уровень художественной культуры, которым мы гордимся. Мы увидели телевизионный фильм «Грядущему веку» по произведению Георгия Маркова. Соизмеримость мысли его авторов с тем, что сегодня происходит в нашей стране, ощущалась все время. В этой соизмеримости — современность искусства.

Стремясь к этому, мы не вправе забывать о факторе противоположного, тормозящем любое ускорение, — об инерции. Она вроде бы растворена в обыденном, а на самом деле замахивается на принципы.

На пути из Торонто в Виннипег рядом со мной в самолете сидел канадец. Очевидно, стремясь доставить мне удовольствие, он рассказывал, что побывал в Советском Союзе и знает несколько русских слов. Старательно их произнес: «водка», «пиво», «закуска»... Я отчетливо представил себе наших милых людей, которые по очереди, выкраивая деньги из своего бюджета, потчевали этого канадца. Не увидел он главного вокруг себя, уехал со стойким впечатлением, что «веселые на Руси есть пива». А милейшие его поводыри остались в убеждении, что явил образцы гостеприимства.

— Мы коснулись понятия гражданского, человеческого достоинства.

— Да, я говорю именно о потере достоинства. Наш вариант создания образа самих себя иногда бывает странен. В Киеве на концерте симпатичного, но вовсе не вершинного по таланту певца, сообщившего советским зрителям весь свой набор русских слов — «борщ», «пампушка», «вареники», перед сценой прыгали четвернацатилетние девчушки, и зрительницы постарше визжали, тянули к певцу руки, прорывались за кулисы, словом, готовы были на все. Я так и не понял, во имя чего. Они ужасно хотели сделать певцу приятное, им казалось, что ему будет приятнее всего, если они будут ползать по сцене у его ног. Это поразительная дикость, дремучий провинциализм. И всего поразительнее, что мы сами способны прививать подобное. Правильно писала Алла Пугачева о том, что во многих телевизионных передачах в начале «прокрутят» какие-то номера наших певцов, а затем, «на закусочку», пустят какого-

нибудь третьеразрядного заграничного шансона и воскликнут: «Как это прекрасно! Этим подарочком мы и заканчиваем нашу программу».

Необходимо быть на уровне нашего века во всех сферах нашей культуры, духовной жизни. Я и сам, чего греха таить, хвастался перед приезжающими к нам французскими делегациями, что мы выпускаем сочинения Дюма миллионными тиражами. Они изумлялись: «Вас действительно это настолько интересует? Все эти интриги при французском дворе так потрясают, что тираж несколько миллионов?» Действительно, сколько раз мы издавали одну только «Графиню Монсору!» Но разве Дюма — это вершина литературы?

Должна быть иерархия духовных ценностей. Хочется повторить: говоря о научно-техническом прогрессе, мы говорим о своей соизмеримости со временем. А то ведь приедешь в область и слышишь: «Это наш районный Маяковский, а это местного значения Сосюрал» Очень быстро выработаются такие удобные уровни и очень быстро начинают на этих уровнях мыслить. А этого разрешать нельзя. Это лазейка для бездумности и безответственности.

Я на днях видел в Киеве на улице на девушке маечку, где было написано по-английски: «Да здравствует наша академия в Вест-пойнте!» Это американская армейская академия. Желтая маечка, красными буквами написано. Где девушка взяла маечку, это, как говорится, ее личное дело, но она должна понимать, что в этой академии обучают тому, как убить и девушку, и ее папу, маму, как сделать, чтобы дом, где они живут, больше не существовал. Если девушка хоть на этом уровне научится мыслить, многое, в том числе и проблема облучения в современной одежде, станет для нее выглядеть иначе. Несозмеримость собственной бездумности с реалиями нашего мира станет для нее ощутимой. Значит, она научится мыслить четко.

— Если вдуматься в то, что объединяет ваши книги последних лет, — скажем, публицистический роман «Липо ненависти», выдвинутый сейчас на соискание Государственной премии СССР, повесть «Трава», недавно вышедший в издательстве «Советский писатель» поэтический сборник «Голоса», то это прежде всего стремление возвылить честность, обличить «неправду, везуку, как топ».

— Честность, правда, могущественны. Мы победили в революции во многом потому, что сказали народу правду. Мы победили в войне потому, что защищали правду. Нам надо беречь репутацию самого правдивого общества в истории. Вместе с тем нам надо замечать людей, которые хотят переждать время правды, «отсидеться». Для них это, пожалуй, бремя правды. Они надеются выждать, что будет дальше, куда повет ветер. В их представлении сейчас идет всего лишь «кампания правды».

Возвращаясь из Канады, я жил в Москве в большой гостинице, заселенной по преимуществу интуристами. Там, с самого утра в буфетах на этажах идет торговля вином, водкой, чем угодно. «Но почему?» — спросил я. «Потому что у нас живут иностранцы, они так привыкли», — сказала буфетчица.

Значит, так. Или мы всего-навсего хотим наказывать собственных алкоголиков, осложнить им жизнь, или мы делаем то, что называется: закон нашей жизни. Изменяем какие-то привычки, начинаем всеерьезно бороться с тем, что считаем вредным. Но давайте вслух делать это твердо и бескомпромиссно, чтобы наши новые обычаи и законы соблюдали, уважали все, в том числе и наши гости.

Время перемен — это время неотложных действий, и я рад, что у меня так часто звонит телефон, что ко мне приходит так много писем. Я рад, что сейчас мы разговариваем с вами не о литературе, но о вещах, которые входят в то, чем изо дня в день должна заниматься литература, в понятия достоинства, порядочности, репутации.

Однажды сказанная полуправда, однажды утаенная правдивая истина порождают лавину лжи. Нельзя величать искажение правды оптимистическим взглядом на мир, а некие литературные танцы на цыпочках — романтическим умением подняться над повседневностью. В том-то и дело, что подпрыгивать над повседневностью легче, чем жить в ней постоянно и ответственно.

И поэтому мне так дорого то, что сегодня открыто формулируется тезис о поддержке людей, работающих по-настоящему, четко говорится об одергивании болтунов, которые уже не одну интенсификацию превращали в интенсифицированные уверения об уважении к ней, не более. Одним из главных правил нашего общества является то, что человек, работающий хорошо, интересно и честно, должен жить лучше, увереннее человека, работающего нечестно и плохо. То, что мы сейчас всенародно устремились к осуществлению этого закона, очень важно.

Я с тревогой думаю о том, что сейчас рядом с умными, честными людьми могут поднять голову конъюнктурщики. С тем же энтузиазмом сегодня они будут изобличать то, что славил вчера. Нам надо быть очень внимательными. Надо уметь видеть людей, которые никогда искренне не относились к нашей жизни, эту жизнь всегда воспринимали только как некий трамплин к тому, чего они для себя лично хотели достичь.

То время правды, великой открытости, которое сегодня вышло на свой первый виток, требует от нас кристальной чистоты принципов партийности в литературе и искусстве. Оно требует понимания самого духа новых требований от всех, кто по долгу службы обязан заботиться о добре и благе для советского человека. Все вместе взятое в конечном счете решит, насколько умного, доброго, трудолюбивого и талантливого человека мы воспитываем.

Мне думается, что нашей литературе предстоит еще многое сделать, чтобы понять, что такое сегодняшнее время мы не можем вести без понимания того, какая сила нам противопоставлена. Против нас идет психологическая война. Идеологическая агрессия против нас совершается изо дня в день. Девочку в маечке с американской эмблемой я отношу к разряду раненых в этой войне. Есть в ней убитые, есть дезертиры. Мы должны до конца сознавать, что те силы, которые не простили нам революцию 1917 года, не простили Победы в 1945-м, сегодня мечтают о нашем уничтожении, и это очень серьезно.

Все магазины на Западе — я говорил со многими сторонниками мира, которые в ужасе и гневе от этого, — завалены игрушками, посвященными космическим войнам, удивительно красочными, компьютеризованными, с роскошными светящимися табло. Это игры, в которых разваливаются звездолеты, происходят звездные битвы. Как явствует из инструкций, они предназначены для ребятшек семи-десяти лет. А рейгановские «звездные войны» — нечто, запрограммированное на пятнадцатидвадцать лет вперед. То есть сегодня, сейчас воспитываются пилоты для звездолетов-убийц будущих столетий. Это страшно.

— Игра как «пригрозительный класс» в «школе» беспаятельности, бесчестия...

— И нельзя относиться к этому как к чужей бездумности или чрезмерной резвости. Чужие пропагандисты умеют должным образом воспитывать своих детей. Когда я выступал по телевидению в Канаде, самым поразительным всегда было одно: канадцы почти ничего не знают о нас. И ложь, доверенная до уровня абсурда, проходит, проглатывается. На Западе, по сути, уже сошел с экрана и все же продолжает упорно рекламироваться и горячо обсуждаться фильм, о котором у нас, в том числе и в «Советской культуре», много писали, «Красный рассвет» Джона Миллуса. Фильм о том, как якобы советские войска оккупировали США, вошли в Колорадо. Провокационный, злой фильм, сделанный американцем Джоном Миллусом 1945 года рождения. Этого американского режиссера, в сорок пятом году рожденного, возможно, мы и спасли. Не будь на не будь двадцати миллионов наших жизней, заплаченных за Победу, докопались бы фашисты до его Манхэттена, и кто знает, родился бы этот мальчик, который вырос и сегодня сделал злой антисоветский фильм. Фильм этот показали в Белом доме Рейгану. Рейган всячески восторгался, говорил, какое это прекрасное, нужное кино. Устроили «всемирную премьеру», а по существу — очередную антикоммунистическую провокацию.

— На недавнем Московском кинофестивале высоко оценен фильм Элема Климова «Иди и смотри» о Великой Отечественной войне. В нем — гнев, могучее обвинение фашизма, неукротимый призыв: «Помните!» Советский режиссер Элем Климов — примерно того же поколения, что и американец Джон Миллус. Казалось бы, однако горькая память о второй мировой войне — их наследство. Но Климов унаследовал от времени правду, Миллус — злобную ложь.

— Если бы только Миллус...

Я видел в Канаде новейший американский фильм «Вид на убийство». «Агент 007» в очередной раз геройски обезвреживает «советского злодея», «разведчика Зорина», попутно соблазняя его помощницу по имени Преромой...

Мне пришлось бы очень напрячься, чтобы вспомнить, где мы убиваем американцев, в каких фильмах. И я в итоге так бы и не смог назвать имена своих коллег по искусству, решившихся поставить в центр своего произведения убийство того же американца или современного французца, доведение взаимоотношений с представителем другой державы до той степени, на которой только убийством их можно решить.

Антисоветчина четко возведена в США на уровень государственной политики. Но действуют антисоветчики на самых разнообразных уровнях. Американская пропаганда влывалась огромные деньги в развитие космического телевидения. Нас намерены атаковать с помощью видеоматрикофонов, я встречал на Западе магазины «Русское видео», самые низкие кинофильмы о нас уже дублированы на наш родной язык. А чего стоят продаваемые в Америке во время Олимпиады-84 маечки с надписью: «Убей коммуниста для своей мамочки!» Сегодня в торговых центрах Монреаля можно увидеть «новинку»: белая маечка с изображением огромного советского танка, над башней слова: «Хочешь посетить Россию?», под башней слова: «Снепи сделать это, пока русские не посетили тебя».

Недавно Симона Синьоре, супруга небезвестного Ива Монтана, в свои шестьдесят четыре года написала свой первый роман. Вот

что сообщает одна из монреальских газет: «Роман под интригующим названием «Адыо, Воледа» рассказывает о бедном мальчике, жившем на Украине в еврейской семье, сосланным большевиками в Сибирь». Воледа жил там в страшных муках, пока большевики его совсем не замучили... Книга, а в ней шестьсот страниц, вся посвящена этой грязи. Издана в массивном, респектабельном переплете, готова для использования против нас. Антисоветчина стала семейным бизнесом Монтана и Синьоре.

Многоликая ненависть, обращенная к нам, бесчеловечна, недостойна. В Белом доме торжественно принимают вращающих эсэсовцев. Коллаборанта и нациста, ватиканского кардинала Слипого провозглашали «отцом нации», устраивали празднества, демонстративно направленные против нас. В противовес «ужасным советским злодеям» президент Рейган именует американских морских пехотинцев «ангелами, стоящими у врат рая». Это возов, на который мы не можем отвечать на уровне ненависти; этого тона, который нам хотят навязать, мы не примем.

— В Канаде вы были с миссией мира. Участвовали в митингах, пресс-конференциях, встречались со многими людьми. Что запечатлелось в памяти после этой командировки больше всего?

— Растущее единодушие канадского народа в борьбе против ядерной угрозы. Монитоба, крупнейшая сельскохозяйственная провинция в стране, первой объявила себя зоной, свободной от ядерного оружия. Ванкувер борется за то, чтобы тоже назвать себя безъядерной зоной. В парламенте страны сделан запрос о том, чтобы вся Канада была свободной от ядерного оружия. В этом могучем движении огромную роль играет заявление Советского правительства о том, что СССР никогда не применит ядерного оружия в случае конфликта с государствами, которые не производят и не разрешают другим странам хранить у себя ядерное оружие.

Последовательная миролюбивая политика КПСС, созидательная деятельность советских людей, нынешние качественные перемены во всех сферах нашей жизни воодушевляют трудящихся в Канаде, как и повсюду в странах капитала. Мне привелось встретиться в Монреале с руководителем профсоюза иностранных рабочих. В этом союзе много чилийцев, бежавших от хунты Пиночета. Слышал бы вы, как страстно они говорили: «Вы, советские люди, не представляете, чем является для нас ваша страна, родина Октября. Если не будет таких высоких примеров, какие подаете вы, чем мы станем? На этих примерах мы воспитываем себя, они дают нам право обратиться к тысячам братьев по классу с призывом: «Объединитесь, бастуйте, боритесь, и в конце концов и мы построим честный, справедливый для трудящихся мир. Помните, что вы для нас образец новой жизни, нового человека. Помните о вашей репутации, она — наше оружие».

Конечно же, все, что мы делаем сегодня, на Западе воспринимается по-разному.

Я был в Канаде, когда у нас вошли в силу антIALкогольные меры. Первой реакцией газет было сообщение о том, что в Москве арестована «производительница самогона Сонья», что совершенно «новое советское злодеяние, нарушение прав человека». Типичное вытаскивание фактика, чтобы исказить факт. О «Сонье» немного покричали, а потом всерьез задумались, обеспокоились. Они отчетливо понимают (неглупые люди — чужие пропагандисты), что наш пьяный им куда выгоднее, чем трезвый, хорошо думающий и хорошо работающий советский человек. Можно не сомневаться, что в ближайшее время наши туристы будут получать за океаном вместе со своими путешественниками сборники сочувственных историй о «бедных русских пьяных». Я уже видел там кассеты с записями «песен русских пьяниц», где запятыми репертуар эмигрантов возведен в ранг «национального русского фольклора». И здесь, думается, нам крайне важно остаться на собственном достойном уровне. Не суетиться, не изымать из «Бориса Годунова» сцену в корчме и не запрещать исполнения в концертах «Вдоль по Питерской», минеральную воду и соки продавать в самом широком ассортименте, но при этом не забывать и о других вещах, характеризующих уровень жизни как материальной, так и духовной. Нам надо учиться умно хозяйничать и, пусть никто не обидится на меня, умно думать».

Создавая свое общество, мы никогда не снимали с себя ответственности за духовное богатство его граждан. Социализм, революция наша начиналась с того, что мы начинали учить человека читать, писать. У нас первое в мире общество, которое начало свое развитие с того, что дало людям в руки карандаши. Я встречался с Хаммером и слышал, с каким волнением этот старейший американский промышленник вспоминал, как он по совету Ленина строил в голодной, холодной молодой Республике Советов карандашную фабрику. Мы начинали с грамоты, понимая, что создание общества грамотных, культурных людей труда — уже удар по капиталистическому обществу.

Возвращаясь к тому же: наша борьба за научно-технический прогресс не может быть разделена с борьбой за высокую нравственность. Сейчас доказано не только философами, но и самой жизнью: сытый, но недалекий, самоуспокоенный, равнодушный человек чрезвычайно опасен. Чужая пропаганда стремится воспитать как раз таких: сытых, не думающих, готовых к выполнению самого кощунственного приказа. Вспомните: фашизм начинался с разрушения нравственности, с костров из книг. Начиналась с воспитания убитых, неспособных мыслить.

Чтобы наши слова, наши художественные образы помогали воспитывать в человеке смелый разум, патристические убеждения, ярые чувства, среди которых важнейшее — чувство времени, наши литература и искусство должны всегда быть со своим народом. Разговор об этом вечен, но сегодня он по-новому насущен. Соизмеримость с планами партии, делами народа для нас — главное. В своем творчестве мы призваны показать, что человек социализма способен решить задачи грандиозные как в народном хозяйстве, так и в духовной сфере. В этом неценная поддержка для наших друзей за рубежом, наш высокий вклад в дело мира.

Каждый из нас должен сегодня трудиться с твердым убеждением, что делает именно то, что нужно. Каждый должен ежедневно возвращать обществу социализма свой долг перед ним, за любой свой поступок и шаг спрашивать с себя по высочайшей мерке. Тогда лодырям, делаям, еще существующим среди нас, будет все труднее. Чем труднее будет им, тем лучше будет стране, всем нам.

«Рассчитайся с долгами — так обычный велит... То, что зырьником брал ты, — колоском возврати». Новый сборник стихов Виталия Коротича открывается произведением «Закон земли», этими строчками. Находим в этом же сборнике и такую многообразную строку: «...Мы — только капли, а река — народ». Да, реки возникают из ручейков. Ручейки — из капели. И потому от каждого из нас зависит глубина реки и чистота ее вод.

Вела беседу Л. ВИРИНА.

КНЕВ.